

П. А. Кротов

РОССИЙСКИЙ ФЛОТ КАК ФАКТОР ПРОТИВОСТОЯНИЯ ШВЕДСКОЙ МОРСКОЙ СИЛЕ НА БАЛТИКЕ (1703–1721 гг.)

К рубежу XVII–XVIII столетий в регионе Балтийского моря сложилось такое «равновесие сил» европейских государств, при котором решающее значение для хода и исхода военно-политических конфликтов фактически приобрел морской фактор. На грани веков Швеция, казалось, как никогда близко подошла к завоеванию *dominium maris Baltici*, превращению Балтийского моря едва ли не в закрытое, *mare claustrum*, некое шведское внутреннее море: основная часть побережий принадлежала этой формирующейся «Скандинавской империи» (термин встречался в публицистике начала XVIII в.).

Тем не менее с географической точки зрения сложившаяся путем захватов «заморских» (по отношению к населенным собственно шведами землям Скандинавского полуострова) территорий «Шведская империя» была до крайности уязвима. Связь с «колониями» на побережьях Балтики была возможна только по морю. В случае же военного столкновения с более сильными морскими державами эти заморские территории Швеции могли быть полностью отрезаны от сообщения с метрополией: входу военно-морских флотов через проливы Зунд и Большой и Малый Бельт в воды Балтийского моря можно было воспрепятствовать только противодействием более мощного флота. Это диктовало Швеции необходимость содержания сильного флота, без которого ее заморские земли, в сущности, не могли быть удержаны даже при наличии хорошо подготовленной сухопутной армии. Грядущий с исто-

рической неизбежностью крах шведской «колониальной балтийской империи» предопределялся, с одной стороны, неуклонным подъемом соседствующих с ее заморскими владениями России и Пруссии, с другой стороны — возможным решающим воздействием на события в регионе Балтики военно-морской силы — флотов первенствующих морских держав рубежа XVII–XVIII столетий: Британии, Нидерландов и Франции; содержать же флот, приближавшийся по численности к имевшимся у названных государств, Шведскому королевству было не по силам. Отсюда в значительной мере происходила зависимость внешней политики Швеции от позиции вышеуказанных морских держав в XVII–XVIII вв.

Недостаточную подкрепленность экономическими, людскими ресурсами и военной силой шведских экспансионистских планов захвата полного господства на Балтийском море и проведения великодержавного внешнеполитического курса показало крушение «Шведской империи» в ходе Северной войны 1700–1721 гг. С точки зрения экономического развития и численности населения Швеция была слаба. Она никогда не была по-настоящему единой. Население собственно шведских земель — ядра «империи» — составляло лишь около 1,5 млн жителей. Если не учитывать значения Швеции как крупнейшего в Европе производителя и поставщика на внешние рынки железа и также заметного экспортера меди, страна имела весьма ограниченные материальные ресурсы¹. Доходная часть шведского бюджета 1699 г. лишь на 54,7% представляла собой поступления с территории собственно Швеции. Восточноприбалтийские завоевания давали 21,1% доходов: Лифляндия — 14,2%, Эстляндия с островом Эзель — 4% и Ингерманландия — 2,9%. Заморские немецкие земли доставляли в государственную казну 15,5% поступлений: герцогства Бремен и Верден — 8,8, Померания — 6,5 и Висмар — 0,2%. Один из давних захватов шведских монархов на Балтике, Финляндия добавляла казне еще 8,7% ежегодных доходов². Контролировать положение в регионе Балтийского моря в течение второй половины XVII в. великим морским державам Европы помогала приблизительная равноценность военно-морских сил давних соперниц в борьбе за преобладание на Балтике — Дании и Швеции. Если сосредоточенный

при Копенгагене корабельный флот Дании насчитывал в 1699 г. 65 боевых единиц различного назначения с общим внушительным вооружением из 2553 орудий и 15 857 чел. экипажей³, то шведский в 1700 г., году начала Великой Северной войны, имел в своем составе 52 боевых корабля (среди них 39 линейных) с суммарным вооружением в 2910 пушек и 16 374 матроса и солдата в качестве экипажей⁴. Именно с помощью подошедшей к Копенгагене летом 1700 г. соединенной англо-голландской эскадры шведский флот сумел подвергнуть бомбардировке и датский флот, нашедший убежище в укрепленной военной гавани Копенгагена, и собственно датскую столицу, к укреплениям которой подошли шведские войска во главе с королем Карлом XII. Успешное десантирование шведов 25 июля 1700 г. на остров Зеландия поблизости от столицы Дании стало возможно также при поддержке со стороны англо-голландских морских сил. 8 (18) августа 1700 г. датский король Фредерик IV вынужден был подписать Травентальский мирный договор — Дания вышла из едва разгоревшейся Великой Северной войны⁵.

Англия и Нидерланды, великие морские державы Европы, зримо показали в 1700 г., в чьих руках находится «гирия» для поддержания «равновесия сил» в Балтийском регионе, значение которого в течение XVII в. в европейском товарообмене неуклонно увеличивалось, поскольку возрастала значимость таких стратегических для крепнущей западноевропейской промышленности, кораблестроения, потребностей мореходства и растущего населения балтийских товаров, как пенька, лен, мачтовый и дубовый корабельный лес, смола, деготь, поташ, хлеб, кожи, сало, шведское железо; увеличивалась и емкость рынка стран региона Балтийского моря для продукции Британии, Франции, Нидерландов, колониальных товаров⁶.

На протяжении Великой Северной войны 1700–1721 гг. действовавший во второй половине XVII в. механизм поддержания «равновесия сил» на Балтике между Данией и Швецией путем внешних воздействий со стороны великих европейских держав (Британии, Нидерландов, Франции) подвергся самому существенному изменению по причине выдвигания на место первенствующей среди балтийских государств военно-морской державы — России.

Отвозование русскими войсками 11 октября 1702 г. Ореника (швед. Нотебург, город-орех) обозначило самую ближайшую перспективу появления на Балтике нового фактора — морской силы быстро поднимавшейся в итоге государственной реформы Петра I России. Именно такое, вполне очевидное развитие событий члены Королевского совета Швеции обрисовывали в письме Карлу XII от 20 ноября (ст. ст.) 1702 г., указывая, что теперь русские «могут, спаси, Боже, овладеть Ниеншанцем (крепость в устье Невы. — П.К.) и там или в другом месте устроить себе морской порт на Балтике, чтобы беспокоить и вредить мореплаванию подданных его королевского величества...»⁷

1703 год ознаменовался выходом русских войск к берегам Балтики, основанием Санкт-Петербурга — морской крепости, первоначальной базы паровавшего Балтийского флота, будущего крупнейшего морского порта России и столицы государства. Согласно воплощавшейся с марта 1703 г. первой кораблестроительной программе, строились 12 фрегатов, 10 шняв — двухмачтовых небольших боевых кораблей, 10 галер и вспомогательные суда⁸. Непосредственное ознакомление царя с особенностями будущего театра военных действий на море подтолкнуло к развернутому строительству начиная с осени 1703 г. многочисленных относительно небольших боевых гребно-парусных судов — скампавей и бригантин⁹. По первой кораблестроительной программе российский флот на Балтике строился с 1703 по 1707 г. Он выполнил стоявшую перед ним задачу — защиту подступов к Петербургу со стороны моря и содействие сухопутным войскам на водных рубежах Невы. В июле 1704 г. у острова Котлин была остановлена и не смогла прорваться к Петербургу шведская эскадра под командованием вице-адмирала Я. де Пру. Масштабные действия шведского флота под командованием адмирала К. Т. Анкершерны (7 линейных кораблей, 5 фрегатов, 10 меньших судов)¹⁰ 4–21 июня и 14 июля 1705 г. против Балтийского флота, укрепления острова Котлин и морской крепости Кроншлот завершились сокрушительным поражением шведов. В итоге Королевский совет в послании Карлу XII от 30 января (ст. ст.) 1706 г. высказался в том духе, что по причине невозможности выделить соответствующие всей сложности ре-

шения задачи разгрома русского флота и захвата острова Котлин морские силы в предстоящую кампанию будет «достаточно запереть неприятельский флот и прикрыть морские побережья» путем отправления в близлежащие к Котлину воды эскадры без наступательных задач¹¹. С 1706 г. и до завершения войны шведский флот выполнял против российского флота только оборонительные функции.

Предвидя, что завершать Северную войну будет необходимо (по наиболее вероятной версии) интенсивными наступательными действиями морских сил против Швеции на Балтике, Петр I в ноябре 1707 г. (еще до победы в генеральной битве под Полтавой!) начинает воплощать в жизнь вторую программу строительства флота, намечавшую создать на Балтике большой корабельный флот из 27-ми линейных кораблей (3-х 80-пушечного ранга, 12-ти 70-пушечного и 12-ти 50-пушечного), 6-ти фрегатов и 6-ти шняв, который был бы способен вступить в борьбу за преобладание на водах Балтийского моря со шведским¹².

Наступательный потенциал шведских сухопутных сил был исчерпан с поражением вторгнувшегося 30 августа 1708 г. в пределы Ингерманландии со стороны Выборга корпуса генерал-майора Г. И. Любеккера (провал попытки уничтожить Петербург), разгромом 28 сентября 1708 г. у деревни Лесной в восточной Белоруссии 16-тысячного корпуса генерала А. Л. Левенгаупта, двигавшегося от Риги на соединение с армией Карла XII, и гибелью и пленением главной части шведской армии 27 июня 1709 г. близ Полтавы и 30 июня у Переволочны на Днепре. Крах наступательных усилий в 1708–1709 гг. сломил мощь Шведского государства на суше: вплоть до завершения Северной войны шведы были способны вести против россиян военные действия лишь оборонительной направленности и постепенно сдавали один рубеж за другим.

После триумфа русского оружия при Полтаве исход русско-шведского противоборства в первую очередь зависел от того, какой державе удастся добиться преобладания ее флота на Балтике. Швеция, по сути, имела возможность вести активную оборону только до тех пор, пока ее военно-морской флот занимал господствующее положение; медлить же с подписанием мирных договоров на условиях северных союзников

Швеция могла также только до тех пор, пока противоборствующие с ней державы, получив решительное преобладание на Балтийском море, не развернули бы масштабных десантных операций на ее собственной территории, лежащей к северу и западу от балтийских вод. Понимание российской стороной обрисованной геополитической реальности региона Балтики привело к тому, что главные усилия России во второй половине Северной войны сосредоточиваются на наращивании военно-морской мощи, создании как линейного корабельного флота, способного обеспечить себе господствующее положение в открытом море, так и галерного (требуно-парусного) флота, которому не было бы равных на Балтике и который был бы в состоянии осуществить транспортировку вдоль побережий и в нхеры собственно Швеции больших контингентов сухопутных войск, которые могли бы после десантирования захватить шведские военно-морские базы и разгромить еще оставшиеся у Швеции войска.

Менее чем через месяц после Полтавской победы, 18 июля 1709 г., Петр I написал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину: «...великие знаки происходят к будущей компани нашей на море (которое позволю до времени тихо иметь). Того ради надлежит не точно теми четырьмя караблями воспешить, которые зачаты, но и пятой, на которой готов лес в Питербурх[е], тщание приложить, дабы к будущей весне мог готов быть»¹³. Речь шла о вводе в строй первых 5 линейных кораблей Балтийского флота, из которых 4 начали строить в 1708 г., а пятый предлагалось заложить в Петербурге в ближайшее время. Именно создание сильного линейного флота (намеченное программой ноября 1707 г.) позволяло перейти российскому флоту на Балтике от выполнения вспомогательной роли (пассивная защита морских подступов к Петербургу) к роли решающего военного фактора.

Заметной вехой на пути становления России в качестве балтийской морской державы стал 1710 год. Закономерным следствием Полтавской победы явилось получение страной широкого выхода к Балтийскому морю в 1710 г.: 13 июня русским войскам сдался Выборг (нхерные проходы к которому с моря были заперты галерным флотом и артиллерийскими батареями), 4 июля -- Рига, 14 августа -- Пернов (ныне Пярну),

29 сентября — Ревель (ныне Таллин). Российский флот, таким образом, получил новые места базирования. На Балтике также впервые появились русские линейные корабли: 3 сентября 1710 г. генерал-адмирал Ф. М. Апраксин поднял свой флаг на 50-пушечной «Риге», а царь в качестве шутбенхта (контр-адмирала) — на 50-пушечном же «Выборге», вошедших в состав стоявшего у Котлиша флота¹⁴.

Находившиеся у кормила государственной власти в Стокгольме члены Королевского совета вполне разглядели в 1710 г. угрозу шведскому господству на Балтике — растущий русский военно-морской флот. Они ясно осознали вероятность нагубной для Швеции в случае продолжения войны перспективы: в письме Карлу XII от 12 июня (ст. ст.) 1710 г. сенаторы выражали опасение, что датский флот может «соединиться с русским флотом и затем с его помощью перевезти и высадить на земли его королевского величества войска и наместа на сам столичный город Стокгольм... также совершенно запереть и погубить флот его королевского величества в Карлекруне...»¹⁵

Тем не менее в кампаниях 1710–1712 гг. корабельный флот России продолжал стоять вблизи Котлиша — его пассивность предопределялась слабостью. В 1712 г., к примеру, в море находились только 3 линейных корабля, 2 фрегата, 2 шнявы и бомбардирский корабль (всего 1561 чел.)¹⁶ — многие построенные в первые годы существования Балтийского флота боевые корабли пришли в ветхость, часть из них была разобрана.

По причине малочисленности русских морских сил на Балтике неудачей завершился и предпринятый в августе — сентябре 1712 г. поход 18-тысячного корпуса под командованием Ф. М. Апраксина из Выборга в Финляндию. Петр I ставил перед генерал-адмиралом задачу дойти до Або (финск. Турку) или, если это окажется невозможным, до Гельсингфорса (финск. Хельсинки) и разместить войска в южной Финляндии на зимовку («... ежели до Абова дойдем, то шведы принуждены будут сами миру искать, ибо в[с]я их жизнь из Финляндии ссть»). Более чем 7,5-тысячный отряд шведского генерала Г. И. Любеккера отступил, заняв удобную для обороны позицию у единственной переправы через реку Ярвикоски. Присоединившийся 25 августа 1712 г. к войскам Ф. М. Ап-

раксина отряд из 12 скамывей и 11 бригантин был слишком мал для того, чтобы обеспечить переброску войск в тыл противнику морем. В итоге генерал-адмирал был вынужден 14 сентября 1712 г., не решив поставленных задач, возвратиться со своим корпусом к Выборгу¹⁷. Провал сухопутного похода Ф. М. Апраксина с целью занятия юга Финляндии в августе — сентябре 1712 г., сама логика военных действий подталкивали Петра I к коренному изменению с ближайшего же 1713 г. характера войны со Швецией. Дальнейшие успехи русского оружия на северо-западном балтийском театре были невозможны без создания качественно более сильного корабельного флота, способного вести борьбу со шведским на открытых просторах Балтийского моря; требовался также рост и изменение состава галерного флота, чтобы он лучше отвечал задачам быстрой переброски шхерными районами больших континентов войск на дальние расстояния и удобства их высадки на побережье. Сложившаяся обстановка настоятельно требовала преобразования русского флота на Балтике в главный фактор, основное орудие завершения войны с еще способными на активную оборону с опорой на военно-морские силы остатками «балтийской империи» Карла XII — только такой путь открывал перспективу победоносного окончания войны.

Если в кампаниях 1703–1712 гг. русский Балтийский флот выполнял в военном противостоянии со Швецией вспомогательную роль, то в 1713–1721 гг. он уже являлся главным фактором достижения победы. Успешное сооружение на отечественных верфях и приобретение за границей линейных кораблей позволили значительно увеличить численность корабельного флота России, и в 1713 г. он впервые за годы Северной войны совершил успешный поход в Ревель, шведский флот был вытеснен из Финского залива, одна из его укрепленных баз — Гельсингфорс — была занята русскими войсками и галерным флотом. Изменение соотношения сил русского и шведского флотов на северо-западном театре военных действий привело к тому, что, несмотря на то что Карл XII в послании Королевскому совету из Демонки в Турку от 21 марта 1713 г. подтвердил свои многократные прежние распоряжения о пресечении силами флота какой бы то ни было морской торговли с российскими портами на Балтике¹⁸, вы-

полнить поставленную монархом задачу в том году флоту Швеции оказалось не под силу -- шведская военно-морская блокада Петербурга, осуществлявшаяся с 1703 г., рухнула именно в 1713 г.

Переломной весной в ходе Северной войны стал 1714 год. Впервые с ее начала русская сторона попыталась достичь в кампании этого года своей стратегической цели -- заключения выгодного стране мирного договора со Швецией -- действиями прежде всего военно-морских сил -- корабельного и галерного флотов при намечавшемся содействии корабельной эскадры союзной Дании. Петр I писал 1 января 1714 г. дипломатам П. И. Ягужинскому и Б. И. Куракину в Данию и Голландию: «...льпие вся швецкая сила по обороне флоту их состоит...»¹⁹ По согласованному 23 февраля 1714 г. с датским королем Фредериком IV договору союзники намеревались, соединив свои корабельные флоты, высадить в южной Швеции десант из 24 тыс. датских и 15 тыс. русских войск и «атаковать порт Карлскронской и разорить флот швецкой», после чего порт Карлскруну, главную базу шведского флота, следовало «разорить... так, чтоб никогда не мог быть приведен в состояние...»²⁰

Однако датский король не прислал эскадру на соединение с российским корабельным флотом к Ревелю. Петр I уклонился по этой причине от генерального сражения со шведским флотом, сосредоточенным у полуострова Гапгута (финск. Ханко) -- юго-восточного выступа Финляндии в море: при равенстве сил флотов существовал риск неудачи, который мог сорвать плоды нескольких лет усилий по созданию Россией значительного линейного флота. Разобщенность действий флотов Северного союза имела следствием то, что россияне достигли в кампанию 1714 г. пусть и блестящих и важных успехов (прорыв галерного флота мимо Гапгута в шхеры Аландских островов, занятие их и северной Финляндии русскими войсками, пленение эскадры штурмана Н. Эреншельда (9 судов, 110–112 орудий, 941 чел.), пабег галер на город Умео в сентябре 1714 г. -- первый факт действий россиян на собственно шведской стороне Балтийского моря), но оставившийся у Швеции флот сохранял для нее возможность активной обороны, продолжения войны на истощение сил, затягивания

ее в надежде на последующее возможное изменение военно-политической ситуации.

Сложившееся в 1714 г. на Балтике положение повторилось в следующем 1715 г. в еще более ярко выраженном виде. Несмотря на то что антишведские силы имели теперь явное преобладание на Балтийском море, шведы предпринимали своим флотом активные действия, умело используя то обстоятельство, что северные союзники, располагавшие военно-морскими базами в удаленных друг от друга частях Балтики, что объективно затрудняло проведение операций общими силами, снова не договорились об объединении их флотов. Показательно, что в главном боевом столкновении кампании 1715 г. -- сражении 28 июня у острова Рюген боролись приблизительно равные шведские и датские морские силы: в линии батальи датского флота находился 21 корабль (1352 пушки) против 20 кораблей шведов (1310 пушек; по другому списку -- 1294 пушки)²¹. В то же время в июне на рейде Ревеля было сосредоточено 20 русских линейных кораблей (1128 пушек)²², которые не предприняли действительных операций против шведского корабельного флота, поскольку еще несколько уступали ему в огневой мощи.

Разрозненные действия морских сил северных союзников в 1714 и 1715 гг., несмотря на ряд частных успехов, не сломали мощи шведского флота на Балтике. Несоответствие достигнутых союзными флотами в 1714–1715 гг. результатов имеющемуся у них общему военно-морскому потенциалу, полагаем, стало для Петра I и Фредерика IV одной из побудительных причин к объединению их флотов у берегов Дании в 1716 г. Его целью было прикрытие планировавшейся (но так и не состоявшейся) совместной высадки датских и русских войск в южную шведскую провинцию Сконе для того, чтобы попытаться разгромить там шведские войска и уничтожить флот, стоявший в Карлскруне. В случае успеха это привело бы к быстрому окончанию войны на условиях союзников.

Соединение датской, русской и посланных на Балтику английской и голландской эскадр в кампанию 1716 г. у Конепгагена привело к тому, что шведский линейный флот, вооруженный в количестве 23 кораблей (1436 пушек), по сути, даже не смог покинуть гавани Карлскруны -- настолько было велико

превосходство его противников²³. Осмотревший этот лежавший в карлскрунской гавани флот путешественник отметил, что он «в плохом состоянии» и существенно малочисленнее, чем в начале войны²⁴; из 10 кораблей шведской эскадры в Гетеборге с вооружением от 30 до 50 пушек каждый только 2 были способны выйти в море²⁵; не хватало опытных моряков и денег на поддержание и восстановление кораблей²⁶. Численность кораблей русского флота в начале кампании 1716 г. на Балтийском и Северном морях составляла 24 линейных корабля (1288 пушек) и 7 фрегатов (258 пушек)²⁷. По состоянию на 13 августа 1716 г. у датского острова Борнхольм под командованием Петра I крейсировал соединенный флот из 17 линейных кораблей (990 пушек; 5190 человек) англичан, 17 датчан (1136 пушек; 8610 человек), 15 русских (от 64 до 46 пушек; всего 786 пушек; 5590 человек), значительного количества фрегатов и вспомогательных судов²⁸. Часть кораблей соединенного флота, в том числе голландская эскадра (4 линейных корабля — 220 пушек; 2 фрегата), к тому времени уже проследовала далее на восток в ковшое торговых судов²⁹. Предполагавшийся русско-датский десант в южную Швецию для занятия Карлскруны, захвата шведского флота и решительного разгрома неприятеля в 1716 г. по ряду обстоятельств не состоялся.

Для кампании 1717 г. российское Адмиралтейство наметило вооружить флот (сведения на 12 марта 1717 г.) из 23 линейных кораблей (1244 пушки) и 5 фрегатов (168 пушек)³⁰. Но, по нашему мнению, ввиду начавшихся ранее весной 1717 г. русско-шведских дипломатических контактов³¹, в море к Ревелю в июне были выведены только 15 линейных кораблей (854 пушки)³², которые в июле предприняли эффектные, подчеркивавшие завоеванное русским флотом господство на Балтике, но по своему характеру, скорее, демонстративные действия у острова Готланд в середине Балтийского моря, включившие высадку десанта³³. Из многочисленного же гробно-парусного флота России для боевых действий (так и не начатых) было подготовлено только 36 галер³⁴. Шведский флот не проявлял никакой активности³⁵. По подсчетам росписи кораблей флота Швеции из бумаг Петра I в гавани Карлскруны в 1717 г. были приготовлены к выходу в море 24 линейных корабля (1634 пушки; 8296 человек)³⁶.

Кампания следующего 1718 года, с нашей точки зрения, впервые показала, что российский корабельный флот занял место сильнейшего среди балтийских держав, превзойдя по мощи как датский, так и шведский. В море тогда вышли 25 русских линейных кораблей с 1436 орудиями и 9198 членами команд³⁷. Шведский флот был снаряжен в Карлскруне в количестве 15 линейных кораблей, причем действовали они в море только в апреле и исключительно у острова Борнхольм³⁸.

В 1719 г. господствующее положение русского флота на Балтике сохранялось; в июле к Ревелю был выведен линейный флот из 21 корабля (1232 пушки; 8252 человек)³⁹. По списку шведского флота он в январе 1719 г. насчитывал в Карлскруне 20 линейных кораблей, в Стокгольме еще 4 (всего 1484 пушки), 14 фрегатов, 12 галер, прама, бригантини, ливерботы⁴⁰. Но, по собственноручно записанным Петром I показаниям иностранцев, наблюдавших флот в Карлскруне и Стокгольме зимой 1718 — весной 1719 гг., он в целом находился «в несостоянии», причем особенно плачевно было положение сильно сократившегося личного состава: «Матросы zelo плохи и от голоду так худы, как мертвыя... ходят босиком...», погода не получали денежного и хлебного содержания и «хотя, питаются по миру». Отмечалась нехватка денег на оснащение кораблей и обмундирование для матросов. Один из свидетелей, француз, говорил: «Матросов конечно трех тысяч собрать не могут, понеже король (Карл XII; убит 30 ноября 1718 г. — *И. К.*) большую часть в Норвегию взял и там потерял». Факт гибели многих моряков шведского флота в 1718 г. в сухопутном походе Карла XII, который склонность более «имел к войску, нежели ко флоту», в южные области Норвегии подтверждал и другой информатор — только что выехавший из Швеции голландец. Он свидетельствовал, что как при жизни Карла XII в 1718 г., так и после его смерти в Швеции из новобращен-рекрутов «лутчих... берут в салдаты, а худых в матросы»⁴¹.

Сложившееся в конце Северной войны превосходство русского флота над шведским выразилось в реальных военных действиях первого из них в июле — августе 1719 г.: под прикрытием корабельного флота с русских галер высаживались десанты в самом сердце Швеции — вблизи Сток-

гольма, были заняты 8 городов и разрушен 21 завод, что серьезно подорвало экономику противоборствующей стороны⁴². Российский посол в Дании В. Л. Долгоруков писал 25 августа 1719 г.: «Ежели нынешние русских войск действия не принудят шведов к миру, поистинне можно будет причесть в чюдо, разве оне в надежде на обещанную английскую помощь толкое раззорение похотят снести...»⁴³

Безусловное преобладание российского флота над шведским в кампанию 1719 г. выявило полную невозможность для Швеции продолжать в одиночестве войну с Россией и Данией. Петр I еще 28 июня 1719 г. так оценил тогдашнее положение Швеции: «...сие единю преною было — флот их, по когда сие так вне состояния, то, кажется, труда жаднаго (никакого. — П. К.) нет с помощию Божию искать притеснить неприятеля к миру...»⁴⁴

Военно-политическое положение в Балтийском регионе, однако, резко изменилось в конце августа — сентябре 1719 г. 18 августа Швеция заключила предварительный мирный договор с Англией, предусматривавший помощь со стороны последней против России флотом. Тремя днями ранее в Балтийское море вошла английская эскадра во главе с адмиралом Д. Норрисом из 16 линейных кораблей (990 пушек). 29 августа в море появилась карлскруннская эскадра под флагом верховного адмирала К. Спарре. Соединившись 5 сентября у северной части острова Эланд с 10 линейными кораблями (648 пушек) и меньшими судами эскадры К. Спарре, объединенный англо-шведский флот прибыл на следующий день к Стокгольму⁴⁵. Там английская эскадра простояла до 27 октября, после чего отправилась в обратный путь⁴⁶.

Ход кампании 1720 г. предопределило раннее появление на Балтике английской эскадры Д. Норриса. 12 мая она уже прибыла к Стокгольму⁴⁷. Д. Норрис располагал 20 линейными кораблями (1260 пушек; 7845 человек), не считая меньших судов⁴⁸. Шведы в общей сложности смогли в том году вывести в море 11 линейных кораблей (678 пушек; 4375 человек), 8 фрегатов, 5 бригаптиц, 11 галер и мелкие суда⁴⁹. 26 мая было принято решение объединенному англо-шведскому флоту идти к российскому побережью у Ревеля⁵⁰, куда он и прибыл 30 мая. Но уже 2 июня, получив сведения о нападении рус-

ских галер на город Умео на северном побережье Ботнического залива, эти морские силы двинулись обратно и в дальнейшем находились между Аландскими островами и Стокгольмом⁵¹.

Избегая неоправданного с военно-политической точки зрения столкновения с англо-шведской эскадрой, российский корабельный флот находился вблизи собственных сильно укрепленных гаваней Котлина и Ревеля. На 5 августа 1720 г. там насчитывалось 25 вооруженных линейных кораблей (1574 пушки) и 4 фрегата⁵². Присутствие английского флота не смогло помешать успехам российских галер: во второй половине мая 1720 г. отряд из 35 галер занял на время город Умео⁵³, а 27 июля галерный флот генерала М. М. Голицына в упорном сражении в Аландском архипелаге у острова Гренгам пленил 4 шведских фрегата (104 пушки)⁵⁴. Кампания 1720 г. вновь подтвердила слабое состояние шведского флота.

Продумывая план кампании 1721 г., Петр I в росписи, составленной между 5 октября 1720 г. и 3 февраля 1721 г., сопоставил данные о корабельном составе шведского и русского флотов⁵⁵: перечислены 23 линейных корабля шведов (1508 пушек) и 28 российских (1896 пушек)⁵⁶, включая 3 достраивавшихся корабля, действительно принявших участие в приближавшейся кампании. Российский флот, таким образом, имел несомненное превосходство над шведским, даже если бы последний удалось вывести в море полностью. Ввиду этого на 1721 г. Петром I было замышлено вооружение всего боеспособного линейного флота и проведение его силами совместно с галерным флотом «генеральных действий» на территории Швеции, которые бы принудили ее принять русские условия мира. Этот план был, однако, сорван тем, что уже 2 мая 1721 г. сильная английская эскадра из 22 линейных кораблей (1396 пушек; 8636 человек), фрегата и вспомогательных судов соединилась у Карлскруны со шведской эскадрой, после чего они проследовали к пихерному району у Стокгольма, где и находились, прикрывая его от возможных действий русских галер, вплоть до получения известия о заключении Ништадтского мира⁵⁷.

В то время как Швеция оказалась в состоянии отправить в море в завершающую кампанию Северной войны только 11 ли-

нейных кораблей (752 пушки)⁵⁸, Россия вывела в море 30 линейных кораблей (1970 пушек) — все боеспособные линейные корабли из 35 имевшихся в наличии к началу кампании⁵⁹. Уже ранней весной 1721 г. (12 марта) в Або и Гельсингфорсе находился русский гребной флот из 112 галер и более мелких судов с предназначавшимися для размещения на них 20 426 чел. российских войск⁶⁰. 17 мая — 13 июня 1721 г. 5-тысячный отряд генерал-лейтенанта П. П. Ласси прошел на гребных судах вдоль шведского побережья от Евле до Штео, нанеся удар по промышленной базе Швеции (разрушены 12 железоделательных, 1 оружейный заводы и др.)⁶¹.

Итак, на заключительном этапе Северной войны, в 1718—1721 гг., российский линейный флот значительно превосходил шведский по численности кораблей, личного состава, артиллерийскому вооружению. Отсутствие у Швеции сильного, сопоставимого с русским гребно-парусного флота привело к тому, что даже помощь шведам корабельным флотом со стороны Англии не смогла обезопасить ее от походов российских галер.

Таким образом, появление в 1703 г. на Балтийском море флота России стало новым фактором в военно-политическом «балансе сил» Балтийского региона. Если целью первой русской кораблестроительной программы 1703 г. было создание небольшого флота, способного защитить морские подступы к Петербургу, то осуществление с конца 1707 г. новой программы, предусматривавшей создание мощного линейного флота, сломало существовавшую расстановку сил на Балтике. С 1714 г. совокупные военно-морские силы Дании и России все более ощутимо превосходили шведские. С этого времени Швеция могла решать стоявшие перед ней военные задачи силами своего флота, играя в первую очередь на разобщенности и слабой согласованности морских операций северных союзников на Балтике. Заключительный этап Северной войны характеризуется выдвиганием России в положение страны, обладавшей наиболее мощными военно-морскими силами на Балтийском море. Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией от 30 августа 1721 г. отразил сложившиеся в регионе Балтики новые реалии: в последние годы Великой Северной войны, по фиксирующим оче-

видное словам историка Р. Лоджа, «верховенство на Балтике перешло от Швеции к России и Россия вступила в число великих держав Европы»⁶².

¹ *Anderson M. S. Eighteenth-century Europe. 1713-1783. L., 1970. P. 14; Heckscher E. F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1936. D. 1, bok. 2. S. 412.*

² *Axelsson G. E. Bidrag till kännedomen om Sveriges tillstånd på Karl XII:s tid. Akad. avhandling. Visby, 1888. S. 113; Lundqvist S. The experience of empire: Sweden as a great power // Sweden's age of greatness. 1632-1718. L.; Basingstoke, 1973. P. 23.*

³ *Garde H. G. Efterretninger om den danske og norske Sømagt. København, 1832. Bd. 1. S. 349.*

⁴ *Svenska flottans historia. Örlogsflottan i ord och bild från dess grundläggning under Gustav Vasa fram till våra dagar. Malmö, 1943. Bd. 2. S. 546-547.*

⁵ *Волгин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697-1710 гг. Л., 1986. С. 84-86.*

⁶ Там же. С. 18-19.

⁷ *Brefvexling mellan konung Carl XII och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1862. D. 2. S. 222.*

⁸ *Кротов Н. А. Рождение Балтийского военно-морского флота // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 210.*

⁹ *Кротов Н. А. Начало строительства галерного флота на Балтике // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. Гл. 10. С. 109-110, 117-121.*

¹⁰ *Törnquist C. G. Utkast till svenska flottans sjötåg. Stockholm, 1788. D. 2. S. 30.*

¹¹ *Brefvexling mellan konung och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1864. D. 4. S. 6.*

¹² *Кротов Н. А. 1) Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 314-316; 2) Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717-1718 годов // История отечественного судостроения. Т. 1. Гл. 11. С. 121-125.*

¹³ *Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБИИВ). М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 302.*

¹⁴ *Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711). М., 1899. С. 241.*

¹⁵ *Brefvexling mellan konung Carl XII och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1866. D. 5. S. 73.*

¹⁶ *Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1865. Ч. 1. С. 298, 306.*

¹⁷ *Васеляго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 216-217; ИБИИВ. М., 1977. Т. 12. Вып. 2. С. 34.*

- ¹⁸ Отдел рукописей Библиотеки РАН. П. I. Б. 32. Л. 97–97 об.
- ¹⁹ Материалы для истории Гангутской операции. СПб., 1914. Вып. I. Ч. 2. С. 2, 3.
- ²⁰ Кротова Н. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 18.
- ²¹ *Tornquist C. G. Utkast till svenska flottans sjötåg. S. 71–74; Garde H. G. Den dansk-norske Sømagte historie 1700–1814. København, 1852. S. 55–57*
- ²² МИРФ. Ч. 1. С. 618–619, 632, 633, 639.
- ²³ *Anderson R. C. Naval wars in the Baltic during the sailingship epoch 1522–1850. L., 1910. P. 175–176.*
- ²⁴ *Motraye A. de la. Travels through Europe, Asia and into Africa []. L., 1723. Vol. 2. P. 255.*
- ²⁵ *Ibid. P. 246.*
- ²⁶ *Sörensson P. Sverige och Frankrike. 1715–1718: Et bidrag till kännedommen om sveriges utrikespolitik efter Karl XI:s återkomst från Turkiet. Lund, 1909. S. 38.*
- ²⁷ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Д. 23. Л. 193–194 об.
- ²⁸ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 136–137 об. – Список объединенного флота на 13 августа 1716 г. на голландском языке.
- ²⁹ *Anderson R. C. Naval wars... P. 174, 175.*
- ³⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–4.
- ³¹ *Feytaud C. A. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 187–197.*
- ³² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 88, 95; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 229.
- ³³ *Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 70–71.*
- ³⁴ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 129. Л. 118–191 об.
- ³⁵ *Anderson R. C. Naval wars... P. 177–178; Garde H. G. Den dansk-norske Sømagte historie 1700–1814. S. 95.*
- ³⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 34. Л. 419–419 об.
- ³⁷ Там же. Д. 39. Л. 454; Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 164–166; МИРФ. Ч. 2. С. 293–294.
- ³⁸ *Anderson R. C. Naval wars... P. 185; Garde H. G. Den dansk-norske Sømagte historie 1700–1814. S. 96; Tornquist C. G. Utkast till svenska flottans sjötåg. S. 93.*
- ³⁹ МИРФ. Ч. 2. С. 377, 365–366.
- ⁴⁰ *Wrangel H. Kriget i Östersjön 1719–1721. Stockholm, 1907. D. 1. S. 138–139, 15.*
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 23. Л. 39–46 об.; Д. 44. Л. 546–550 об.
- ⁴² *Feytaud C. A. Аландский конгресс... С. 497–501.*
- ⁴³ Архив С.-Петербургского Института истории Российской Академии наук Ф. 83. Оп. 1. Д. 7685. Л. 1–1 об.
- ⁴⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 380.
- ⁴⁵ *Anderson R. C. Naval wars... P. 195, 197–198; Wrangel H. Kriget i Östersjön 1719–1721. S. 142.*
- ⁴⁶ *Lediard T. The naval history of England. L., 1735. Vol. 2. P. 884.*
- ⁴⁷ *Anderson R. C. Naval wars... P. 200.*
- ⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 169, 174 об.–175; МИРФ. СПб., 1867. Ч. 4. С. 191–192; *Anderson R. C. Naval wars... P. 200; Wrangel H. Kriget i Östersjön 1719–1721. Stockholm, 1907. D. 2. S. 276; Lediard T. The naval history of England. P. 887.* Сравнение списков балтийской эскадры Англии 1720 г. показало, что в перечне Т. Ледларда есть неточности. Корабль «Глочестер» имел 50 пушек и 280 человек экипажа (а не 80 пушек и 365 человек), а «Кингстоун» 365, а не 265 человек.
- ⁴⁹ *Gyllengranat C. A. Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. Carlskrona, 1840. D. 2. S. 12–13.*
- ⁵⁰ *Lediard T. The naval history of England. P. 887.*
- ⁵¹ МИРФ. Ч. 2. С. 484, 488, 498; Журнал, или Поденная записка... Петра Великого... СПб., 1772. Ч. 2. С. 130–132.
- ⁵² Полное собрание законов. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 44. Ч. 1. Отд. 2. С. 3. В документе назван и 26-й линейный корабль «Леферм», но он нами исключен, поскольку не позднее чем с июля 1720 по 1723 г. проходил тимберовку в Петербурге.
- ⁵³ МИРФ. Ч. 2. С. 478, 480, 487–488.
- ⁵⁴ Там же. С. 506–510.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 22. Л. 415–417. Роспись датирована нами так потому, что в ней показан снувшим на воду линейный корабль «Св. Петр», что произошло 5 октября 1720 г., а «Св. Андрей», как достраивавшийся, назван по имени строившего его мастера Г. Рамза «Рамзов» (он сошел на воду 3 февраля 1721 г.). На подлиннике росписи имеется помета канцеляриста: «1720 г.», но на ее копии проставлена дата – «1721 г.» (*Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969. С. 244.*)
- ⁵⁶ В росписи неточность в подсчете: 1898.
- ⁵⁷ *Anderson R. C. Naval wars... P. 204, 206; Lediard T. The naval history of England. P. 888–889.*
- ⁵⁸ *Gyllengranat C. A. Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. D. 2. S. 22; Wrangel H. Kriget i Östersjön 1719–1721. D. 2. Bil. V.*
- ⁵⁹ *Кротова Н. А. Создание линейного флота... С. 325, 330; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247. Ч. 1. Л. 181; МИРФ. Ч. 2. С. 548–549.*
- ⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–57.
- ⁶¹ МИРФ. Ч. 2. С. 558, 569, 593–596, 598–599.
- ⁶² *Lodge R. Great Britain and Prussia in the eighteenth century. L., 1923. P. 16.*